

ГЛАВА 4

Флорентийские изгнанники ушли недалеко от своего города. Не вся Тоскана была гвельфской, за стенами гибеллинских городов с трудом, но можно было найти себе прибежище. Те, кто, как Вьери Черки, сумел при этом сохранить свои флорины, устраивались и на чужбине; те, кто бежал без гроша в кармане, бедствовал и мыкался. Сначала белые, среди них был, по некоторым сведениям, и Данте, попали в маленький городок Сан-Годенцо. Оттуда они перебрались в Ареццо — город, издавна воевавший с Флоренцией. Там давно уже жили флорентийские гибеллины. Изгнанники сблизились, а затем заключили союз против Флоренции. То же самое произошло и в Сиене, Форли, Пистойе и более далекой Болонье. Из Ареццо белых вскоре изгнали по наущению Бонифация VIII. Вообще положение изгнанников было очень неустойчивым, поэтому они всеми силами старались вернуться домой. В течение 1302—1303 годов они несколько раз предпринимали военные действия против Флоренции, но неудачно. Белым мешало то, что они объединились с гибеллинами, а их во Флоренции не любили. И тем более не любили аретинцев, пистойцев, болонцев, которые присоединялись к отрядам изгнанников.

На военных советах изгнанных белых гвельфов и гибеллинов часто мелькала худощавая фигура поэта. В 1303 году он впервые поехал в Верону посланцем от белых.

11 ноября 1303 года скончался Бонифаций VIII, скончался после того, как рыцари его врага, французского короля Филиппа IV, вместе с итальянцами из ненавистного ему рода Колонна ворвались в его дворец в городке Ананьи и на несколько дней взяли его в плен. Смерть Бонифация обрадовала белых, они попытались через кардинала Николая да Прато в начале 1304 года договориться с черными о возвращении во Флоренцию. Данте был в числе двенадцати советников, принимавших деятельное участие в переговорах. Переговоры провалились, а вслед за этим закончился неудачно и большой военный поход против Флоренции. Во всех неудачах руководители обеих партий винили друг друга, настоящего единства не было. Постоянные ссоры, упреки, взаимные обвинения раздражали Данте. В конце концов, обвинения коснулись и его самого. А он был человек гордый и не умел спокойно переносить обиды. Он отошел от своих единомышленников и, по собственному выражению, «сам стал партией». Представление о том, что в изгнании Данте примкнул к гибеллинам, не соответствует действительности, он пришел к заключению, что и гвельфы, и гибеллины одинаково корыстны. В «Божественной комедии» он отрицательно относится и к тем и к другим.

Жилось ему в первые годы изгнания очень трудно. Денег не было, ремесла никакого он не знал. В 1303 году, живя в Форли, он одно время служил секретарем у местного сеньора. Затем, порвав с белыми, опять поехал в Верону. Несколько месяцев он жил при дворе веронского правителя Бартоломео делла Скала. Вероятно,

нелегко ему было привыкать к новой обстановке и к своему новому положению. После шумной Флоренции Верона, должно быть, показалась ему маленькой и захолустной. Бартоломео принял его хорошо, он покровительствовал поэтам. Но Данте был свободным горожанином, и оказаться придворным среди других пришлых людей,— а среди них были не только поэты и ученые, но и шуты,— ему с его характером было тяжело. В конце 1304 года Бартоломео умер, и Данте пришлось искать новое пристанище. После Вероны он как будто побывал и в Падуе. Боккаччо в своей биографии Данте утверждает, что некоторое время он жил в Болонье¹. Достоверно известно, что осенью 1306 года он оказался в Луиджане у маркизов Маласпина и даже выполнял их дипломатические поручения. Но где бы он ни жил, мысли его всегда стремились к «прекрасной дочери Рима — Флоренции».

Не выдержав тоски по родине, он переломил себя и написал в момент, который показался ему подходящим, латинское послание флорентийцам: «О мой народ, что я тебе сделал?» Острой внутренней болью отзывается эта первая фраза послания, о существовании которого мы знаем из биографии, составленной Леонардо Бруни². Но хотя Данте, по словам Бруни, делал все возможное, чтобы заслужить прощение и вернуться во Флоренцию, послание осталось без ответа.

В эти тяжелые годы скитаний, когда Данте приходилось искать себе приют у какого-нибудь щедрого сеньора, ему захотелось доказать, что он не только поэт, но

¹ См. «Жизнь Данта, написанная Джiovanni Боккаччио» в книге: Данте Алигиери, Божественной комедии часть вторая. Чистилище, М. 1898, стр. 26.

² См. «Жизнь Данта, написанная Леонардо Бруни Аretинцем» в той же книге, стр. 69—86.

и ученый. В молодости, после смерти Беатриче, он увлекался философией. Это было в начале 90-х годов, до того как его захватила политика.

Он читал тогда сочинения Боэция и Цицерона и посещал многочасовые диспуты, которые устраивались во дворе церкви Санта-Мария Новелла. Там до хрипоты спорили местные доминиканцы и францисканцы, монахи из северных и южных монастырей, ученые школяры из Болоньи. Они, ссылаясь на Аристотеля, нападали на его арабскихcommentаторов и их итальянских последователей, сыпали цитатами из Священного писания и сочинений отцов церкви.

Теперь философия должна была помочь Данте утвердиться в новом мире, куда он был выброшен, и утешить его в несчастье. А главное — восстановить то чувство единства с человечеством, которое звучало когда-то в «Новой жизни», а теперь было разрушено пережитой катастрофой. Уже не мистическая любовь к женщине должна была вести людей к нравственному обновлению и связывать их, а философия — рациональное познание истины. В этом цель его философского сочинения «Пир», которое он писал между 1304 и 1306 годами.

В первой главе «Пира» Данте говорит, что «Пир» — произведение более зрелое, чем «Новая жизнь». В другом месте напоминает о том, что в конце его юношеской повести появилась некая дама-утешительница. Он уверяет теперь, что эта дама-утешительница — аллегорическая фигура философии. Философия и становится в «Пире» предметом воспевания. Таким образом, повесть о любви оказывается связанной с философским трактатом, являющимся как бы ее продолжением. Идея продолжить «Новую жизнь» трактатом, безусловно, оригинальна и может объясняться только тем, что в сознании поэта не было никаких перегородок, отделяющих фило-

софию от поэзии. Но связать «Новую жизнь» с «Пиром» было бы нелегко, если бы не философская направленность повести и возможность толковать аллегорически даже те эпизоды, которые не имели в повести аллегорического значения. Такое истолкование разрешала делать средневековая эстетика, различавшая в любом произведении, кроме буквального смысла, смысл аллегорический.

Связь между «Новой жизнью» и «Пиром» подчёркивается тем, что Данте придерживается того же смешения прозы и поэзии, что и в «Новой жизни». По его плану, «Пир» должен был состоять из четырнадцати прозаических трактатов, не считая вводного, который бы комментировали четырнадцать канцон. Когда Данте начал писать «Пир», у него уже были готовы три канцоны. Вероятно, две из них он сочинил еще во Флоренции, когда не думал о том, что впоследствии вставит их в философскую прозу. Обе канцоны — любовные, и, для того чтобы придать им чисто философский характер, Данте стал утверждать, что они имеют аллегорическое значение.

Философская система, которую Данте излагает в «Пире», создана не им. Он скромно замечает, что не попал на трапезу избранных, призванных на пиршество науки, а, как бедняк, сидит у их ног и ловит крохи, падающие со стола.

Увлечение философией началось в конце XII — начале XIII века с изучения Аристотеля. В это время все главные произведения Аристотеля, через посредство арабских и еврейских комментаторов и переводчиков, стали известны и во Франции, и в Италии. Высшее духовенство отнеслось подозрительно к этому увлечению и всячески старалось ему воспротивиться, тем более что вместе с аристотелевским учением начали проникать

комментарии арабского философа Аверроэса, содержащие некоторые материалистические утверждения, совершенно неприемлемые для ортодоксальных католических богословов. Но все попытки запретить Аристотеля оказались тщетными. Тогда церковь начала борьбу против аверроистской интерпретации Аристотеля и стала стремиться к примирению учения «язычника» о разумном и чувственном познании мира с католической верой. Это попытался сделать итальянский богослов XIII века Фома Аквинский. С одной стороны, Фома, под влиянием Аристотеля, признал значение человеческого разума, роль науки и, в определенной мере, истинность чувственного познания. Но аристотелевское учение о разуме он дополнил учением о божественном откровении. Человек познает бога своим разумом, но с помощью благодати, в момент мистического экстаза.

На Данте наиболее сильное влияние из всех философских течений его времени оказала томистская интерпретация аристотелевского учения. Но он по-своему пытается примирить католическую доктрину с рационализмом Аристотеля, считая, что откровение дается умственно совершенному человеку. И поэтому он придает философии более важное значение, чем богослов Фома. Его интересы более светские, а этика и политика, то есть вопросы земного бытия, привлекают его больше, чем метафизика, которой занимались теологи.

Из задуманных четырнадцати трактатов Данте написал только три, не считая первого вводного трактата. Именно этот первый вводный трактат наиболее интересен. В нем сильнее всего ощущается личность поэта. Прежде всего Данте объясняет, почему он задумал написать «Пир». Ссылаясь на Аристотеля, он говорит, что люди стремятся к знанию. Но его смущает, что не все в состоянии его приобрести: у одних не хватает способ-

ностей, другие заняты семьей, общественными обязанностями. Поэтому ученых — немного. И вот он, Данте Алигьери, скромный ученик славных мудрецов, считает своим долгом — долгом человека — поделиться своими знаниями, «потому что, — пишет он, — человек человеку друг, а каждый друг беспокоится о недостатках того, кого он любит».

Это стремление сделать философию доступной и понятной необразованным людям характерно именно для Данте — человека, выросшего в демократической обстановке города-коммуны. Чтобы достичь своей цели, объясняет он дальше, он решил научный трактат писать не на латинском языке, а на народном. Уже задолго до Данте проповедники вынуждены были перейти с латинского языка на народный, иначе прихожане не поняли бы их, но никому из философов — современников Данте — это в голову не пришло.

Своим ячменным хлебом (так называет он народный язык, уступающий латыни, как ячменный хлеб — пшеничному) он надеется накормить тысячи людей; дать свет всем тем, кто блуждает в потемках.

Но не только желание просветить широкий круг людей заставило его обратиться к народному языку; была еще одна важная причина — любовь к родной речи. Со свойственной ему страстью он выступает в ее защиту.

«Многие по своей низости презирают родной язык, а чужой хвалят; это отвратительные, дурные люди итальянской земли. Они считают низким наш прекрасный язык, который если низок чем-нибудь, то только тем, что он звучит в продажных устах этих ублюдков». Говоря о чужом языке, Данте подразумевает прежде всего провансальский, который в Италии считался, наряду с французским, языком литературным. Чтобы показать

всем достоинство родного языка, объясняет Данте, он стал писать на нем прозу, так как проза безыскусственнее поэзии и дает возможность по-настоящему оценить язык. Эта любовь к родному языку, который ближе ему, чем чужие, переплетается у Данте с любовью к предкам, с любовью к итальянской земле. Он еще не вполне осознанно подводит читателя к мысли, что язык должен стать связующим звеном между итальянцами.

Но хотя он и говорит об итальянской земле, любит он по-настоящему Флоренцию, которая его отвергла. И эта любовь к Флоренции, и горькая обида изгнанника совершенно неожиданно прорываются на страницах научного трактата, после того как он пространно рассуждает о том, что не подобает автору говорить о себе. Прося извинения у читателей за недостаточно совершенную форму своего сочинения, он вдруг горестно замечает: «Ах, если бы угодно было властителю вселенной..., чтобы другие не были передо мной виноваты и я бы не страдал от несправедливого наказания, изгнания и бедности. Потому что таково было желание граждан прекраснейшей из дочерей Рима — Флоренции — исторгнуть меня из ее сладчайшего лона (где я родился и жил до зрелого возраста и где я надеюсь от всего сердца в мире найти отдых моей усталой душе и закончить свой жизненный путь). И побрел я по всем городам и весям, где только раздается наш язык, побрел бездомным странником, почти нищим, обнажая, против воли, язвы от нанесенных мне ударов судьбы, язвы, которые несправедливо вменяют мне в вину. И поистине уподобился я кораблю без руля и без ветрил, которого сухой ветер мучительной нищеты прибывает то к одному, то к другому берегу. И показался я низким многим, которые, быть может, по слухам совсем иным меня себе представляли; и не только сам я упал в их глазах, но и произве-

DANTE
CON LESPOSITIONE
DI CHRISTOFORO LANDINO,

ET DI ALESSANDRO VELLTELLO,

Sopra la sua Comedia dell'Inferno, del Purgatorio, & del Paradiso.

Contenente, argomenti, & allegorie, & riformato, riudotto,
& ridotto alla sua uera lettura,

PER FRANCESCO SANSOVINO FIORENTINO

In VENEZIA, Appresso Giuambattista, Marchio Seſſa, & fratelli. 1564.

Титульный лист «Божественной комедии» издания 1564 г.

дения мои, которые я уже написал и собираюсь написать, кажутся им менее ценными».

Этот отрывок — самый сильный из всей прозы Данте. Почти зримой становится его фигура, фигура человека, застигнутого ударом судьбы. Он не надел на себя панцирь героя или власяницу мученика, он не прощает своим врагам и не пускается в общие философские рассуждения. Это его личное несчастье, и он жалуется не слезливо, как малодушный трус, а сдержанно и горько, как человек сильный и гордый. Данте избегает риторики, даже традиционные метафоры — обнаженные язвы и корабль, плывущий по воле ветра, — здесь ожидают.

Второй и третий трактаты строятся как комментарии к написанным еще во Флоренции двум канцонам.

Во втором трактате Данте подробно излагает основы современной космографии, а в третьем — учение Аристотеля о душе и этике и объясняет, что такое философия. В этой части, посвященной человеку, его свойствам, разуму и познанию, как лейтмотив, звучит фраза: «Из всех созданий божественной мудрости человек — самое удивительное и чудесное». Оставаясь католиком томистского толка, Данте незаметно для себя подготавливает новое, гуманистическое мировоззрение. (Спустя триста лет герой Шекспира — Гамлет скажет в одном из своих монологов: «Что за мастерское создание человек!»)

Канzonу, вошедшую в четвертый трактат, Данте сочинил уже в изгнании, и тема ее не любовная, а философская: что такое истинное благородство и откуда оно происходит. Тема эта в момент, когда Данте писал «Пир», была поэту гораздо ближе, чем любовная. Канzonу не надо было толковать аллегорически (об этом Данте с внутренним удовлетворением говорит своим читателям) и «приспособливать» к философскому содержанию всего сочинения. Поэтому здесь комментарий в

основном лишь развивает мысли, высказанные уже в канцоне, и только кое-где появляются отступления. Данте возражает против распространенного воззрения на благородство. В основе этого воззрения лежало суждение Аристотеля, что благородство — это старое, издавна приобретенное богатство, сочетающееся с добронравием. Ошибочно приписав это определение Фридриху II, Данте решительно не соглашается с первой его половиной. Так же как Гвиницелли, он возмущается сословными предрассудками. Неправильно думают те, говорит он, кто полагает, что у «низкого» отца не может быть благородного потомства, или наоборот, что у благородного человека не может быть подлых потомков.

Но Данте не только подтверждает мысль Гвиницелли, он обрушивается на тех, кто, следуя за Аристотелем, объявляет богатство источником благородства. На богатство нападали и до Данте, недаром он охотно ссылается на Лукана, Боэция, Сенеку, Ювенала и, конечно, аскетических проповедников средневековья. Но у Данте убеждение в том, что благородство несовместимо с богатством, связано с его собственным опытом. Достаточно он видел у себя во Флоренции менял-ростовщиков, высокочек, разбогатевших неизвестно каким образом. Многие из них поддерживали его партию, а в решающий час предали ее. Данте — поэт-изгнаник, занимавшийся государственной деятельностью, которая ему, кроме несчастья, ничего не принесла, наверное, с ужасом вспоминал, как богатели дурные, нечестные люди. Отсюда и появились в его трактате рассуждения о богатстве, которое портит людей, губит их и никак не сочетается с истинным благородством. Так что же такое истинное благородство и где оно возникает? Благородство — это добродетель; только те, кто ведет добродетельную жизнь, могут почитаться благородными. А возникает это «бо-

жественное семя в душе отдельных людей», не род облагораживает отдельных личностей, а отдельные личности облагораживают свой род. Так Данте не только отрицает широко распространенное мнение, но развивает идею личного благородства. Эта идея близка этическим принципам, которые будут развиты в сочинениях Бокаччо и других писателей Возрождения.

Большое место в трактате занимают рассуждения об общественной жизни. Излагая учение Аристотеля о добродетелях, Данте говорит о счастье, которое может дать созерцательная жизнь и активная. В этике Аристотеля созерцательной жизни отдается предпочтение. Еще более определенно говорится об этом в Евангелии. Естественно, что Данте не спорит с ними. Но он подчеркивает, что и активная жизнь развивает в человеке благородство, более того, она скорее свойственна человеку, и блаженства, которое она дает, легче достичь. Данте не мог не ценить человеческую активность, это противоречило бы его мироощущению. А активность для него — это прежде всего участие в политической жизни. Интерес к ней проявляется в том, что в этой части своего сочинения Данте уделяет большое место государственному устройству. Идеальным государственным строем ему представляется единая монархия, наподобие римской, где были бы невозможны войны и распри между городами. Впоследствии он развивает свою теорию в трактате «О монархии».

В «Пире», так же как и в «Новой жизни», этический принцип, утверждающий значение личности (рассуждения о личном благородстве, об активной жизни), сочетается со стремлением к единству. Это стремление проявляется и в своеобразном просветительстве, которое должно коснуться всех, и в защите родного языка, и, наконец, в политическом идеале единой монархии.

В «Пире» Данте упоминает, что собирается написать трактат «О народной речи». Он написал целиком первую книгу трактата и часть второй и около 1307 года перестал над ним работать. Сочинение предназначено для ученых людей — и, быть может, не только итальянцев, — поэтому латынь, как международный язык ученых, оказалась предпочтительнее.

В первой книге Данте рассматривает вопросы, связанные с происхождением и развитием языков, во второй — излагает основы поэтики¹.

Начинает он с предупреждения читателю, что до него никто не излагал учения о народной речи, а это необходимо всем людям, потому что все ею пользуются. Народной речью Данте называет современные ему языки, противопоставляя их латинскому, «речи грамматической». При этом он допускает коренную ошибку, считая, что народные языки — «природные» — старше латыни, которая представляется ему языком искусственным. Затем он переходит к вопросу о возникновении языков. Его единственным источником была Библия, поэтому, исходя из правильной посылки, что речь нужна людям для передачи друг другу своих мыслей, он дальше следует за мифами и рассказывает, как бог даровал Адаму речь и как во время строительства Вавилонской башни произошло разделение языков. Но вот он переходит к относительно близким временам, и тут появляются интересные замечания об общем происхождении европейских языков, об основных языковых группах Европы и, в частности, о сходстве и различии романских языков: французского,

¹ См. Р. А. Будагов, Трактат Данте «О народном языке» и его значение для современности.— «Филологические науки», изд. «Высшая школа», 1960, № 2, стр. 5—16, и Р. А. Будагов, Данте о литературном языке.— Сб. «Проблемы современной философии», изд. «Наука», М. 1965, стр. 43—46.

итальянского и провансальского, происходящих от одного общего языка, но развивавшихся по-разному. Языковые изменения привели к многочисленным наречиям; в одной Италии Данте насчитывает четырнадцать диалектов. Рассматривая эти диалекты, Данте приходит к выводу, что все они несовершены. Истинные поэты пишут не на диалектах, а на языке, который Данте называет славным придворным («авлическим») языком, обозначая так литературный итальянский язык. Этот «славный» язык — язык всех городов и ни одного в отдельности, и с ним следует сравнивать все наречия. Данте хочет, чтобы был создан единый литературный итальянский язык, *общий* для всех итальянских областей. Здесь он подходит к важнейшей идее, уже намечавшейся в «Пире», идее единства итальянского народа.

С этим новым понятием, о котором Данте заговорил первый, и связана сознательная борьба за единый литературный язык.